

Понятие социального диалога: типологизация подходов и проблемы концептуализации

С.В. Патрушев¹, А.Х. Мариносян², Ю.Е. Островская¹, Л.Е. Филиппова¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

²Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена проблеме концептуализации социального диалога как механизма взаимодействия между различными социальными субъектами и инструмента социального развития. Изначально социальный диалог ассоциировался с трудовыми отношениями, однако современные социальные изменения требуют расширения сферы его применения и институционализации. В работе представлены философские основания диалога, которые закладывают фундамент для его понимания как способа достижения взаимопонимания и создания новых смыслов. Теории организационного диалога предлагают конкретные стратегии и методики ведения эффективного диалога. Авторы рассматривают также подходы делиберативного управления и делиберативной демократии, что позволяет осмыслить диалог в более широком политическом и социальном контексте. Анализ ключевых проблем концептуализации социального диалога требует определения субъектов диалога, его целей и предмета, условий эффективности. Выделяются и анализируются различные типы социального диалога: трансформационный, консенсусный, познавательно-инновационный и мониторинговый. Каждый тип рассматривается с точки зрения его потенциала и ограничений в решении различных социальных задач. В статье поставлены и вопросы о границах применимости диалогических подходов, их соотношении с другими формами социального взаимодействия и управления. Авторы обсуждают проблемы демаркации между сферой социального диалога и областью административного управления, вопросы интеграции диалогических процессов в существующие управленческие структуры. Рассмотрены также вопросы о роли государства в социальном диалоге, балансе между формальными и неформальными механизмами диалога. В заключении подчеркивается необходимость междисциплинарного подхода к изучению социального диалога. Авторы аргументируют, что социальный диалог может стать эффективным инструментом преодоления разрыва между личностными устремлениями и коллективными интересами, способствуя социоиндивидуальной конвергенции.

Ключевые слова: социальная философия, социоиндивидуальный синтез, социальная конвергенция, гражданское участие, гражданское общество, социальная коммуникация, социальное развитие, медиация конфликтов, делиберативное управление, делиберативная демократия, организационный диалог, трансформационный диалог.

Патрушев Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН.
patrushev1947@inbox.ru
<https://orcid.org/0009-0004-9638-2943>

Мариносян Андреас Хачатурович – аспирант Московского городского педагогического университета.
a.marinosyan@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0577-2360>

Островская Юлия Евгеньевна – младший научный сотрудник отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН.
julia.ostrovskaya@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0515-555X>

Филиппова Людмила Евгеньевна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития РФ.
ludmila_filippova@hotmail.com
<https://orcid.org/0009-0006-5608-8007>

Для цитирования: Патрушев С.В., Мариносян А.Х., Островская Ю.Е., Филиппова Л.Е. Понятие социального диалога: типологизация подходов и проблемы концептуализации // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 4. С. 72–98. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-72-98

Understanding Social Dialogue: Typology of Approaches and Problems of Conceptualization

S.V. Patrushev¹, A.K. Marinosyan², J.E. Ostrovskaya¹, L.E. Filippova¹

¹Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

²Moscow City University, Moscow, Russia

Abstract

The article addresses the issue of conceptualizing social dialogue as both a mechanism of interaction among various social actors and as an instrument of social development. While social dialogue was initially associated with labor relations, contemporary social changes necessitate expanding its scope and institutionalization. The paper presents the philosophical foundations of dialogue, which establish the groundwork for understanding it as a means of achieving mutual understanding and creating new meanings. Organizational dialogue theories offer specific strategies and methodologies for conducting effective dialogue. The authors also explore deliberative governance and deliberative democracy approaches, enabling the comprehension of dialogue within a broader political and social context. Analysis of key conceptualization issues in social dialogue requires defining its participants, objectives, subject matter, and conditions for effectiveness. Various types of social dialogue are identified and analyzed, including transformational, consensus-based, cognitive-innovative, and monitoring dialogues. Each type is examined in terms of its potential and limitations in addressing different social challenges. The article also raises questions about the boundaries of the applicability of dialogical approaches and their relationship with other forms of social interaction and governance. The authors discuss the demarcation between the realm of social dialogue and administrative management, as well as the integration of dialogical processes into existing managerial structures. Issues regarding the role of the state in social dialogue and the balance between formal and informal dialogue mechanisms are also considered. In conclusion, the article emphasizes the need for an interdisciplinary approach to the study of social dialogue, arguing that it can serve as a powerful tool for bridging the gap between individual aspirations and collective interests, thereby fostering socio-individual convergence.

Keywords: social philosophy, socio-individual synthesis, social convergence, civic engagement, civil society, social communication, social development, conflict mediation, deliberative governance, deliberative democracy, organizational dialogue, transformational dialogue.

Sergey V. Patrushev – Ph.D. in History, Associate Professor, Leading Research Fellow, Head of the Department of Comparative Political Studies, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

patrushev1947@inbox.ru
<https://orcid.org/>

Andreas K. Marinosyan – Ph.D. Student, Moscow City University.
a.marinosyan@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0577-2360>

Julia E. Ostrovskaya – Junior Research Fellow, Department of Comparative Political Studies, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

julia.ostrovskaya@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0515-555X>

Liudmila E. Filippova – Ph.D. in Political Science, Leading Research Fellow, Department of Comparative Political Studies, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of Humanities and Social Sciences, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation.

liudmila_filippova@hotmail.com

<https://orcid.org/0009-0006-5608-8007>

For citation: Patrushev S.V., Marinosyan A.K., Ostrovskaya J.E., & Filippova L.E. (2024) Understanding Social Dialogue: Typology of Approaches and Problems of Conceptualization. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 72–98.

DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-72-98.

Введение

Социальный диалог как один из механизмов взаимодействия между различными индивидами, общественными группами и институтами играет ключевую роль в социальном развитии. Традиционно концепция социального диалога рассматривалась преимущественно в контексте трудовых отношений: она описывала трехстороннее взаимодействие между государством, работодателями и профсоюзами. Эта модель, хотя и доказала свою эффективность в сфере регулирования трудовых отношений, оказывается недостаточной для описания более широкого спектра социальных взаимодействий в современном обществе.

Актуальность темы социального диалога обусловлена рядом факторов. Во-первых, усиливающаяся фрагментация общества и кризис классических идеологий требуют пересмотра традиционных моделей представительства интересов. Во-вторых, цифровизация и технологизация общественной жизни создают новые платформы для социального взаимодействия, изменяя характер и динамику диалога. В-третьих, глобальные вызовы, такие как растущее неравенство и военные конфликты, требуют новых форм социального сотрудничества и консенсуса.

Таким образом, необходима разработка более гибкой концепции социального диалога, которая могла бы охватить различные формы социального взаимодействия за пределами сферы трудовых отношений. Эта концепция должна учитывать сложившиеся культурные ценности, роль неинституционализированных акторов, новые формы социальной мобилизации и коммуникации, изменяющиеся потребности и интересы индивидов.

Цель настоящей статьи – представить некоторые концепции, которые могут стать источниками для формирования теории социального диалога, предложить типологию подходов к определению оснований будущей теории, обозначить ключевые проблемы концептуализации. Систематизация существующих подходов призвана указать пути поисков концепции социального диалога. В перспективе теория социального диалога должна стать частью, как формулирует А.П. Давыдов, «интегративной социоиндивидуальной модели, способствующей синергетическому развитию всех компонентов социальной системы» [Давыдов 2024, 156].

Прежде чем приступить к анализу проблематики собственно социального диалога, целесообразно раскрыть теоретические подходы, которые могут послужить основой для его концептуализации. Хотя эти теории не являются собственно теориями социального диалога, они предоставляют ценные инструменты для понимания и описания социального диалога как явления. Рассмотрение этих теорий позволит выявить в них ключевые аспекты, которые будут необходимы для последующего концептуального синтеза.

Философские основания концепции социального диалога

Философские теории диалога широко известны и описаны, но считаем полезным выделить положения, значимые для концептуализации социального диалога.

Если обратиться к греческой этимологии слова «диалог», то, как обращает внимание В.И. Курбатов, префикс *διά* означает «через», «посредством», и потому *διάλογος* дословно можно перевести как «черезмыслие». Таким образом, диалог отличается от монолога не просто количеством участников, но самим принципом коммуникации: диалог предполагает не только попеременное высказывание участвующих в нем, но обмен смыслами, мыслями между сторонами, «обоснование и отстаивание своей позиции (мысли), выраженной словом» [Курбатов 2014, 105]. В рамках системы

«Я – Другой» это можно интерпретировать следующим образом: «Я» требуется для собственного мышления мышление «Другого».

Согласно Гегелю, процесс развития происходит через противоречия и их преодоление. В контексте социального диалога эта теория подчеркивает динамическую природу взаимодействий между различными социальными акторами, в рамках которой противоречия и конфликты могут служить движущей силой для достижения нового уровня взаимопонимания и социального прогресса. Гегелевская диалектика предложила переход от бинарности к тернарности. Помимо двух сторон диалога, существует и третья субъектность, в частности отношения между этими сторонами. Проблематизация третьей субъектности, поиск третьего основания – одна из главных задач теории диалога.

Диалог между «Я» и «Ты» является центральным элементом философии М. Бубера. Философ пишет о том, что подлинный диалог возможен только при условии признания другого как равноправного субъекта, а не объекта манипуляции. Эта идея имеет ключевое значение для концепции социального диалога, указывая на необходимость равноправия и взаимного уважения между участниками.

Диалогизм М. Бахтина, с его концепциями полифонии и разноречия, предоставляет ценную перспективу для понимания процесса рождения новых смыслов. Бахтин утверждает, что истина рождается не в голове отдельного человека, а в процессе диалогического взаимодействия между людьми. Это особенно видится актуальным для концепции социального диалога, согласно которой различные точки зрения и интересы должны быть учтены для достижения общественного консенсуса, конвергенции индивидуального и социального.

Герменевтическая теория Х.-Г. Гадамера акцентирует внимание на роли понимания и интерпретации в диалогическом процессе. Гадамер утверждает, что понимание всегда опосредовано языком и историческим контекстом. Это важно для социального диалога, т.к. свидетельствует о необходимости учитывать различия в интерпретациях и культурных контекстах при взаимодействии различных социальных групп.

Согласно В.С. Библеру, диалог – это взаимодействие двух радикально различных, несводимых друг к другу позиций или языков. Такие позиции не могут существовать друг без друга, но и не могут полностью слиться. Для Библера значима несводимость

сознаний и мышлений к единой логике или единому субъекту. Библер понимает диалог как ключевой элемент своей концепции диалогистики, которая противопоставлена гегелевской диалектике. В отличие от гегелевской триады «тезис – антитезис – синтез», Библер предлагает схему «тезис – антитезис – тезис – антитезис – ...», при которой происходит постоянная смена предмета диалога без окончательного синтеза [Библер 2002, 142–143]. Иными словами, диалог понимают не как одноразовый акт, а как процесс многоуровневой диалогизации. А.П. Давыдов в своих работах развивает эту идею, демонстрируя на различных примерах возможность продуктивного диалога путем изменения предмета обсуждения, что позволяет перейти от жесткой конфронтации к формированию нового содержания «середины» как основания для коммуникации [Давыдов 2020, 552–559].

Организационный диалог

В широком смысле диалогом становится любой вид коммуникации, предполагающий «взаимный обмен информацией» [Левин 2024, 32]. Таким образом, любая коммуникация, которая не является монологом, представляет собой диалог. Согласно данному подходу, к разновидностям диалогов относятся переговоры, дебаты, обсуждения, дискуссии, споры и др. Как пишет Г.Д. Левин, количество посвященных переговорам статей и книг «в разы превышает количество статей и книг об остальных коммуникативных процессах» [Левин 2024, 29]. Но цель переговоров – отстоять собственные интересы в ходе коммуникации с противоположной стороной. С конца прошлого века среди исследователей формируется представление о том, что недооценен, не учтен другой вид коммуникации, при которой стороны не состязаются друг с другом, а в процессе коммуникации решают общую проблему. В связи с этим введено понятие диалога уже в новом контексте: не как родового термина для обозначения коммуникации нескольких субъектов, а как специфического вида деловой, организационной коммуникации, в которой другую сторону рассматривают не в качестве противника, а как равноправного партнера. В англоязычной литературе получил распространение и соответствующий термин «организационный диалог». Этому направлению стоит уделить внимание, поскольку разработанные в его рамках стратегии и методики ведения диалога значимы для понимания того, как может быть институционализирован социальный диалог.

Всемирно известный специалист по квантовой физике Д. Бом уже в зрелом возрасте начал заниматься гуманитарными вопросами, в т.ч. темой диалога. Бом разработал оригинальную концепцию диалога как способа коллективного исследования мышления и создания общего смысла [Bohm 2004]. По его мнению, диалог – это не просто обмен мнениями, а процесс, в котором участники совместно исследуют глубинные структуры мышления (deep structure of thought) и создают новое понимание. Согласно позиции Бома, ключевая цель диалога – выявление и изучение скрытых предположений и культурных обусловленностей, которые находятся в основе нашего мышления. Это позволяет преодолеть фрагментарность мышления и создать более целостное понимание реальности. Бом считал, что диалог может способствовать трансформации сознания как на индивидуальном уровне, так и на коллективном. Организация диалога, по Бому, предполагает создание особых условий. Оптимальное количество участников – от 20 до 40 человек. Значимым является отсутствие заранее заданной повестки и конкретной цели. Роль ведущего или фасилитатора должна быть минимальной. Бом указывал на важность регулярности встреч для диалога. Он предлагал проводить сессии на протяжении длительного периода, нескольких месяцев или даже лет. Это позволяет участникам преодолеть различные стадии процесса, включая первоначальный дискомфорт, фрустрацию, возможные конфликты, и перейти к более глубокому уровню взаимопонимания и совместного исследования. Особое внимание в организации диалога Бом уделял созданию атмосферы безопасности и доверия. Участники должны чувствовать себя свободными для выражения мыслей и чувств, без страха осуждения или критики. Это достигается через практику «подвешивания», «приостановления» (suspension) суждений – участники учатся осознавать свои реакции и предположения, не действуя на их основе немедленно. Важным аспектом организации диалога является внимание к невербальной коммуникации. Бом призывал участников быть внимательными не только к словам, но и к языку тела, тону голоса и другим невербальным сигналам. Это способствует более глубокому пониманию процессов, происходящих в группе. Бом также делал акцент на важности рефлексии после сессий диалога. Он предлагал участникам вести дневники или обсуждать свой опыт в малых группах между основными сессиями.

Это помогает углубить понимание процесса и интегрировать полученные результаты в повседневную жизнь.

Диалог в понимании Бома – это не метод решения тех или иных проблем, а способ исследования более глубоких уровней реальности. Он писал о важности внимания к процессу мышления, а не только к его содержанию, рассматривал диалог как возможность соприкоснуться с «неявным порядком» (implicate order) – фундаментальным уровнем реальности, на котором все взаимосвязано. Через диалог, по мнению Бома, можно преодолеть разрыв между индивидуальным, коллективным и космическим измерениями человеческого бытия. Бом видел в диалоге потенциал для решения фундаментальных проблем человечества. Он считал, что фрагментарное мышление находится в основе многих глобальных кризисов, и диалог может стать способом преодоления этой фрагментарности. Таким образом, диалог в концепции Бома выходит далеко за рамки обычного общения и становится инструментом исследования природы мышления и реальности.

Опираясь на идеи Д. Бома, У. Айзекс разработал собственную концепцию диалога. Айзекс основал The Dialogue Project при Массачусетском технологическом институте и использовал свои подходы в ходе политического и бизнес-консультирования. С деятельностью его команды и связывают в первую очередь понятие «организационный диалог». Айзекс определяет диалог как «разговор с центром, а не сторонами» (conversation with a center, not sides) [Isaacs 1999, 19]. Речь идет о том, что участники диалога не противостоят друг другу, а совместно исследуют проблему или тему. Основная цель – достижение нового уровня понимания и формировании новой основы для мышления и действия. Айзекс утверждает, что диалог – процесс совместного мышления, а не индивидуального. Он рассматривает диалог как средство доступа к коллективному интеллекту и скоординированной силе групп людей. В отличие от дебатов или переговоров, диалог не стремится к достижению соглашения между сторонами с различными взглядами. Вместо этого он направлен на создание контекста, из которого может возникнуть множество новых соглашений, и раскрытие общей основы разделяемых смыслов. Для организации эффективного диалога Айзекс выделяет четыре ключевые практики или способности, которые необходимо развивать: слушание, уважение, приостановка суждений и высказывание. Слушание подразумевает восприятие без сопротивления или

навязывания, развитие внутренней тишины и восприимчивости. Уважение означает осознание целостности позиции другого и невозможности полностью ее понять. Приостановка суждений требует способности отложить свои предположения, суждения и убежденность. Высказывание предполагает выражение истины собственного авторитета, того, что человек действительно думает и чувствует. Айзекс также описывает четыре «поля разговора» (fields of conversation), стадии, через которые может проходить диалог: вежливость, конфликт, исследование и поток. На стадии вежливости участники следуют социальным нормам с небольшим аутентичным обменом. Стадия конфликта характеризуется возникновением противоречий и защитой позиций. На стадии исследования происходит рефлексивный диалог с изучением предположений. Наконец, стадия потока представляет собой творческий, порождающий диалог. Для создания условий, способствующих диалогу, Айзекс вводит понятие «контейнера» – безопасного пространства или поля, в котором может происходить диалог. Он пишет о важности понимания ролей в разговоре (инициатора, оппонента, последователя, наблюдателя) и развития «предсказательной интуиции» (predictive intuition) для антиципации (предвидения, предвосхищения) паттернов и структур в диалоге. Согласно Айзеку, правильно организованный диалог может привести к значительным результатам: доступу к коллективному интеллекту, трансформации конфликта в творчество, раскрытию новых возможностей и общих смыслов, улучшению координации и согласованности в группах, личностному росту и расширению осознанности участников.

Стратегии относительно того, как может быть организован диалог, освещены в работе американского социолога Д. Янкеловича «Магия диалога: трансформация конфликта в кооперацию» [Yankelovich 1999], основанной на многолетних исследованиях и практическом опыте автора. Янкелович исходит из того, что успешный диалог требует тщательной подготовки и соблюдения ряда ключевых принципов. Прежде всего требуется равенство между участниками, независимо от их статуса или положения. Это предполагает временное отстранение от иерархических отношений и создание атмосферы, в которой все голоса имеют равную ценность. Вторым краеугольным камнем эффективного диалога является эмпатическое слушание – способность участников не просто слышать, но и стремиться понять точку зрения друг друга. Третьим ключевым элементом выступает неосуждающее

выявление скрытых предположений и убеждений участников. Янкелович придает большое значение роли фасилитатора, который обеспечивает эффективную организацию диалога. Однако он предостерегает от чрезмерного вмешательства, рекомендуя фасилитаторам действовать как ненавязчивым «регулирующим движением», нежели активно руководить процессом. Исключения составляют ситуации с высоким уровнем недоверия между участниками, в которых может потребоваться более активное участие фасилитатора. Существенным аспектом организации диалога, по мнению Янкеловича, служит выбор подходящего формата и продолжительности. Он выделяет краткосрочные диалоги (одна три сессии), среднесрочные и долгосрочные (от шести месяцев и более). Выбор формата зависит от сложности обсуждаемой проблемы и уровня недоверия между участниками. Для особенно сложных и конфликтных тем рекомендуются продолжительные диалоги с многократными встречами. Янкелович предлагает начинать диалог с обсуждения личного опыта участников, связанного с темой. Это помогает создать атмосферу открытости и облегчает переход к более глубоким уровням обсуждения. Рекомендует использовать и конкретные случаи для постановки общих вопросов, что делает обсуждение более предметным и понятным для всех участников. Особое внимание Янкелович уделяет управлению эмоциональной составляющей диалога. Он считает важным поощрять участников к выражению эмоций, связанных с их ценностями, фокусируя внимание на конфликтах между системами ценностей, а не на межличностных конфликтах. Это помогает углубить понимание различных позиций и избежать непродуктивной конфронтации. Значимым аспектом организации диалога, по мнению Янкеловича, является разделение процессов диалога и принятия решений. Диалог – подготовительный этап для последующего принятия решений, но не процесс принятия решений как таковой. Для масштабных общественных диалогов Янкелович предлагает использовать концепцию «прокси-диалога» через средства массовой информации, в частности телевидение. Важно обеспечить репрезентативность участников, отражение всего спектра общественных мнений. Для Янкеловича организация диалога – это искусство и навык, который можно развивать с течением времени. Требуется гибкий подход, адаптация предложенных стратегий к потребностям и контекстам каждой ситуации диалога. Конечная цель, по его мнению, заключается в создании простран-

ства, в котором может возникнуть подлинное взаимопонимание, ведущее к более продуманному принятию решений и укреплению отношений между различными группами в обществе.

Делиберативное управление и делиберативная демократия

Диалог играет важную роль в теориях делиберативного (со-вещательного, *deliberative*) управления и делиберативной демократии. Эти теории начали активно разрабатывать с 90-х годов XX века. Единое для всех работ разделение между понятиями делиберативного управления и делиберативной демократии отсутствует. В настоящей статье будем исходить из того, что делиберативное управление относится преимущественно к вопросам неполитического управления, а делиберативная демократия – к формам политического участия.

Делиберативное управление – подход к управлению общественными делами на базе широкого участия и конструктивного диалога заинтересованных сторон. Этот подход возник как ответ на ситуацию, при которой традиционные иерархические структуры управления становятся менее эффективными. В основе делиберативного управления содержится идея о том, что сложные общественные проблемы могут быть решены только путем вовлечения разнообразных участников в процесс открытого обсуждения и совместного поиска решений.

Делиберативное управление предполагает создание специальных площадок и механизмов для взаимодействия между представителями государства, бизнеса и гражданского общества. Это могут быть различные форумы, партнерства, рабочие группы, в составе которых участники на равных обсуждают проблемы и вырабатывают совместные решения. Важную роль в организации таких процессов играют профессиональные фасилитаторы, помогающие структурировать дискуссию и обеспечивать конструктивный диалог.

Одна из ключевых характеристик делиберативного управления – его ориентация на локальный контекст (*place vision* [Healey et al. 2003, 61–62]). В отличие от традиционных подходов, основанных на универсальных моделях и стандартах, делиберативное управление признает важность локальных знаний, опыта и идентичности. Оно стремится интегрировать различные перспективы и формы знания для создания более целостного понимания проблем и возможностей конкретных территорий.

Делиберативное управление не просто механизм принятия решений, но и процесс социального обучения и трансформации. Через участие в совместных обсуждениях и проектах желающие не только находят решения тех или иных проблем, но и развивают новые отношения, общее понимание ситуации и способность к коллективным действиям. Формируются более адаптивные и устойчивые системы управления, способные эффективно реагировать на сложные и изменяющиеся условия современного мира. К тому же делиберативное управление не заменяет в полной мере традиционные формы бюрократии, а скорее, дополняет их, создавая новые каналы взаимодействия между формальными институтами и гражданским обществом. Оно направлено на преодоление ограничений исключительно экспертного подхода к управлению.

Дж. Иннес и Д. Бухер в контексте описания динамики делиберативного управления и его потенциала в трансформации систем управления используют понятие подлинного диалога (*authentic dialogue*), который служит частью предлагаемой ими модели управления DIAD (*diversity* – «разнообразие», *interdependence* – «взаимозависимость», *authentic dialogue*). Начальное состояние характеризуется, с одной стороны, разнообразием интересов власти, бизнеса, групп гражданского общества, экспертов, местных жителей и др., что обеспечивает наличие различных перспектив, знаний и ресурсов, необходимых для комплексного понимания и решения сложных общественных проблем. С другой – начальным условием является взаимозависимость интересов сторон, что создает мотивацию для поиска взаимовыгодных решений и преодоления узких ведомственных или групповых интересов. Этап подлинного диалога предполагает открытое, честное и конструктивное общение между участниками, в процессе которого все стороны имеют возможность выразить свои интересы, быть услышанными и понятыми. Результатом такого диалога, согласно модели DIAD, становятся четыре ключевых эффекта: взаимность (*reciprocity*, понимание и учет интересов друг друга), формирование отношений (*relationships*, отношения создают социальный капитал и доверие между участниками), обучение (*learning*, обмен знаниями и опытом, совместное исследование проблем) и творчество (*creativity*, мозговые штурмы, творческий подход к нахождению новых решений). Эти непосредственные результаты, в свою очередь, приводят к более глубоким адаптациям системы

управления. Формируются общие идентичности (shared identities), в соответствии с которыми участники начинают видеть себя частью более широкого сообщества. Развиваются общие смыслы, понимание проблем и возможностей. Возникают новые эвристики – практические правила и подходы к решению проблем. Наконец, происходят инновации, в частности разработка новых решений, практик и институциональных форм. Модель DIAD предполагает циклический и итеративный характер процесса делиберативного управления [Innes, Booher 2003, 39–49].

Один из известных теоретиков делиберативного управления Дж. Форестер выявляет специфику диалога через противопоставление его обсуждению, или дебатам (debate), и переговорам (negotiation). Если цель дебатов – доказать правильность своей позиции и выявить недостатки в аргументах оппонентов, цель переговоров – достижение договоренностей о совместных действиях, то цель диалога – достижение взаимопонимания между сторонами. В процессе диалога люди стремятся выразить себя и понять друг друга, задавая такие, например, вопросы, как «Что Вы имеете в виду?». На этапе диалога нет задачи убедить или контролировать других. Диалог может улучшить отношения между сторонами, но не обязательно приводит к конкретным решениям. Общая логика делиберативного обсуждения состоит в переходе от диалога через дебаты к переговорам. Но Форестер пишет о том, что эта последовательность не является строгой и линейной, в реальных ситуациях такие процессы могут чередоваться и накладываться друг на друга [Forester 2013; Forester, Theckethil 2009].

Реализация принципов делиберативного управления на практике сталкивается с рядом вызовов. Это и институциональная инерция, и трудности в обеспечении подлинно равного участия различных акторов, и сопротивление со стороны традиционных центров власти. Но, как полагает К. Хендрикс, не стоит считать власть исключительно негативным фактором для делиберативного управления, задача заключается в переходе от «власти над» (power-over) людьми к «власти с» (power-with) людьми благодаря делиберативным механизмам в целом и диалогу в частности [Hendriks 2009].

В рамках концепции делиберативной демократии обсуждение и диалог рассматриваются как основа демократического процесса и гражданского участия. Предполагается, что традиционная демократическая система представительства и голосования не

является достаточной, необходим открытый, репрезентативный и продуктивный обмен мнениями между гражданами. Многие концепции делиберативной демократии опираются на теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса.

Дж. Драйзек, один из ключевых теоретиков в этой области, определяет делиберативную, или дискурсивную (*discursive*), демократию как форму политической организации, в которой легитимность решений основана на качестве диалога, ведущего к таким решениям [Dryzek 2000]. В данном контексте социальный диалог рассмотрен не просто как инструмент достижения компромисса, но как процесс коллективного осмысления и нахождения новых путей решения общественных проблем.

Сторонники делиберативной демократии также уделяют большое внимание институциональным механизмам и процедурам, выработке правил, способствующих продуктивному диалогу. Дж. Фишкин предложил концепцию «делиберативного опроса» (*deliberative polling*), которая предполагает создание условий для информированного и глубокого обсуждения политических вопросов репрезентативной группой граждан [Fishkin 2009]. Этот подход демонстрирует потенциал структурированного диалога для повышения качества демократического процесса.

Интерес представляет концепция делиберативного представительства Дж. Драйзека и С. Нимейера, которые предлагают новый способ осмысления демократического процесса, основанный на представительстве дискурсов, а не только отдельных лиц или групп. Драйзек и Нимейер определяют дискурс как «набор категорий и концепций, воплощающих специфические предположения, суждения, утверждения, диспозиции и возможности» [Dryzek, Niemeyer 2008, 481]. Они утверждают, что относительно любой темы обычно существует множество дискурсов и что представительство этих различных способов понимания может улучшить демократический процесс. Ключевым элементом их концепции служит идея «палаты дискурсов» – формального органа, в составе которого представители различных дискурсов могут взаимодействовать и обсуждать вопросы. Для выявления релевантных дискурсов и выбора их представителей авторы предлагают использовать социологические методы. Драйзек и Нимейер утверждают, что дискурсивное представительство будет особенно полезным в транснациональном контексте, в котором отсутствует система гражданства и выборных институтов. Авторы

идеи полагают, что дискурсивное представительство не должно заменять другие формы демократического представительства, а скорее, дополнять их. По мнению авторов, «палата дискурсов» может способствовать повышению рациональности принятия решений, уважению индивидуальной автономии и реализации принципов делиберативной демократии.

Критики делиберативной демократии указывают на ряд проблем, связанных с ее реализацией на практике. Ш. Муфф считает, что акцент на консенсусе может игнорировать неустранимые конфликты и антагонизмы в обществе [Mouffe 2000]. И. Шапиро пишет о том, что делиберация, диалог предполагают искренние и добрые намерения сторон, а этого трудно достичь в политике, в которой на кону стоит вопрос о власти [Shapiro 2017].

Несмотря на приведенные критические замечания, концепция делиберативной демократии остается значимым направлением в рамках современной политической теории. В контексте этой концепции предложены механизмы того, каким образом может быть организован социальный диалог на общенациональном уровне.

Проблемы концептуализации социального диалога

Субъекты социального диалога. При рассмотрении различных уровней и форм социального диалога центральным вопросом становится определение субъектов диалога и характера их взаимоотношений в различных контекстах социальной жизни.

Один из возможных подходов заключается в характеристике социального диалога как взаимодействия между индивидами при возникновении социально значимых вопросов. В этом случае фокус смещается на микроуровень социальных отношений, в которых диалог выступает в качестве механизма формирования общих смыслов и норм. Однако такой подход сталкивается с проблемой масштабирования. Как индивидуальные взаимодействия трансформируются в более широкие социальные процессы и как они могут влиять на общественные решения?

Другой вариант состоит в том, чтобы понимать социальный диалог как диалог между индивидами и институтами, включая государство. Социальный диалог, в частности, рассматривают как способ взаимодействия граждан с формальными структурами общества. Этот подход позволяет исследовать механизмы участия индивидов в общественной жизни, процессы формирования гражданского общества и практики гражданского активизма.

Однако возникает вопрос о балансе сил между индивидами и институтами, а также о механизмах обеспечения реального влияния граждан на институциональные процессы.

Подход к социальному диалогу как к межгрупповому взаимодействию фокусируется на отношениях между различными социальными группами, сообществами и коллективными акторами. Данный подход позволяет исследовать процессы формирования групповых интересов, механизмы разрешения межгрупповых конфликтов и создания социальных коалиций. Но возникает проблема определения границ группы и легитимности представительства групповых интересов.

Наконец, рассмотрение социального диалога как межинституционального взаимодействия концентрируется на отношениях между формальными структурами общества – государственными органами, бизнес-структурами, общественными организациями, религиозными институтами и т.д. Такой подход дает возможность анализировать механизмы координации между различными сферами общественной жизни и процессы формирования социальной политики. Однако он рискует упустить из виду неформальные и низовые формы социальной активности. Вместе с тем существует опасность растворения социальной проблематики в межинституциональном диалоге и превращения социального диалога на институциональном уровне просто в межинституциональное взаимодействие.

Ключевой проблемой, возникающей при расширении концепции социального диалога, остается вопрос об артикуляции и агрегации мнений и позиций. В условиях растущей социальной дифференциации и индивидуализации общества становится все сложнее выявлять, формулировать общие интересы и позиции различных социальных групп. Как в этих условиях обеспечить репрезентативность участников диалога? Как агрегировать разнообразные, порой противоречивые мнения в рамках одной группы или сообщества?

Эта проблема особенно актуальна в контексте новых форм социальной организации и коммуникации, связанных с развитием цифровых технологий. Новые медиа создают новые возможности для выражения индивидуальных мнений, но одновременно усложняют процессы формирования консолидированных групповых позиций. Появляется необходимость в разработке таких механизмов агрегации мнений и представительства интересов,

которые не были бы административно-юридическими, как в случае политического делегирования, но при этом обеспечивали репрезентативность сторон диалога.

Условия эффективного социального диалога. Выявление и обеспечение условий эффективного социального диалога представляет собой проблему, затрагивающую как теоретические, так и практические аспекты этого процесса. Рассмотрим данный вопрос через проблематизацию выдвигаемых В.И. Курбатовым ключевых черт, определяющих эффективность диалога, как то: свобода участников, равенство позиций и самооценность диалога [Курбатов 2014, 110].

Свобода участников служит базовым условием подлинного диалога. Однако концептуализация этой свободы в контексте социальных, экономических и политических отношений представляет собой значительную трудность. Как обеспечить реальную, а не номинальную свободу участия в условиях структурных неравенств и властной асимметрии? Кроме того, проблема свободы тесно связана с вопросом о степени институционализации диалога: чрезмерная формализация может ограничивать свободу, а отсутствие структуры может приводить к хаотичности и неэффективности.

Равенство позиций участников диалога представляет собой еще один критически важный аспект: достижение подлинного равенства в условиях существующих социальных иерархий и различий в ресурсах и экспертизе представляется проблематичным. Стоит учитывать не только формальное, но и субстантивное равенство, включая равные возможности для артикуляции и обоснования своих позиций. Возникает вопрос о том, необходимы ли механизмы, которые могли бы компенсировать эти различия и создавать условия для более равноправного участия.

Самоценность и самодостаточность диалога также являются важными условиями его эффективности. Это предполагает, что диалог служит не просто инструментом для достижения predeterminedных целей, но имеет ценность сам по себе, как процесс взаимного образования и трансформации. Однако это порождает напряжение между процессуальными и результативными аспектами диалога. Как найти баланс между открытостью процесса и необходимостью достижения конкретных результатов?

Проблема доверия между участниками особенно значима для эффективности социального диалога. В условиях растущей

социальной фрагментации и поляризации создание и поддержание атмосферы доверия становится все более сложной задачей [Putnam 2000]. Возникает вопрос о том, как можно культивировать доверие в ситуациях, если между сторонами социального диалога нет общего культурного основания.

Наконец, вопрос о роли информационных и коммуникационных технологий в создании условий для эффективного диалога также приобретает все большую актуальность. С одной стороны, цифровые платформы открывают новые возможности для участия и открытости. С другой – глобальная цифровизация может вести к «атомизации и виртуальной деперсонализации (под видом индивидуализации)», что разрушает условия для диалога [Лекторский 2024, 19].

Таким образом, концептуализация условий эффективного социального диалога требует комплексного подхода, учитывающего множество взаимосвязанных факторов, а в ряде случаев – даже взаимоисключающих.

Цели социального диалога. Анализируя социальный диалог с позиции его целей, считаем целесообразным выделить следующие его типы: трансформационный, консенсусный, познавательно-инновационный и мониторинговый. Трансформационный диалог, согласно одному из подходов, представляет собой форму общения, способную преобразовать отношения между людьми с противоположными взглядами в отношения, при которых создаются общие и объединяющие реальности [Gergen, McNamee, Barrett 2001]. Ключевыми компонентами такого диалога служат переход от обвинения к взаимной ответственности, значимость самовыражения через личные истории, утверждение и поддержка другого, координация действий для совместного создания смыслов, развитие саморефлексивности и способности подвергать сомнению собственные позиции. Частным случаем трансформационного диалога можно считать empowerment-диалог, ориентированный на расширение возможностей недопредставленных групп. Однако при таком широком толковании диалога может стираться грань между диалогом и медиацией. По сути, трансформационный диалог становится частью процесса трансформационной медиации, понимаемой Р.А.Б. Бушем и Дж.П. Фолджером как средство для развития способностей и улучшения взаимопонимания сторон, даже при отсутствии формального соглашения [Bush, Folger 2004].

Консенсусный диалог, т.е. диалог, направленный на достижение согласия или компромисса между участниками, представляет собой другую возможную версию социального диалога. Консенсус не обязательно подразумевает решение, которое отвечает интересам всем сторонам, но, скорее, такое решение, с которым все участники могут согласиться и готовы принять [Susskind 1999, 6–7]. Однако возникает вопрос о реалистичности и желательности консенсуса в плюралистическом обществе. Насколько возможно и необходимо достижение подлинного согласия при наличии глубоких социальных, культурных и идеологических различий? Согласно концепции агонистической демократии Ш. Муфф, ценностью обладает именно противостояние различных точек зрения. Вероятно, необходимо определить сферы, применительно к которым можно будет говорить о стремлении к консенсусу в ходе социального диалога.

Стоит рассмотреть и вариант, при котором социальный диалог направлен на поиск, внедрение, принятие новых идей и практик. Такой познавательный тип диалога может способствовать открытию социальных закономерностей, познанию себя и Другого в контексте социального взаимодействия, поиска меры совместности, нахождению и распространению новых форм социоиндивидуального синтеза [Давыдов 2023]. Но появляется вопрос о том, насколько социальный диалог может быть эффективным инструментом для поиска и внедрения нового с учетом сопротивления изменениям и инерции социальных систем. В России новое часто внедряли сверху, или оно было требованием изменяющихся экономических отношений. Социокультурная сфера более инертна, чем политическая или экономическая. Поэтому существуют сомнения относительно того, в какой мере познавательные и инновационные задачи должны быть приписаны социальному диалогу.

Наконец, мониторинговый диалог, направленный на отслеживание и оценку реализации договоренностей или проектов, допустимо рассматривать как следующую потенциальную цель. Этот тип диалога может служить механизмом обратной связи между институциональными акторами и индивидами, позволяет выявлять проблемы, слышать проблемы рядового гражданина и корректировать социальную политику. Но актуальными становятся вопросы о том, насколько такой диалог может быть свободным от манипуляций и действительно выражать мнение наиболее проблемных социальных групп, а также о том, насколько

ко именно диалог, а не другие социологические инструменты (опрос, наблюдение, интервью и т.д.), релевантен для решения мониторинговой задачи.

Кроме того, следует учитывать, что в действительности эти типы диалога часто на практике переплетаются и взаимодействуют. Например, трансформационный диалог порою приводит к инновациям, а консенсусный диалог может включать в себя элементы познания и мониторинга. Возможно, необходим более сложный подход, предполагающий построение иерархии целей социального диалога.

Предмет социального диалога. Задача концептуализации социального диалога требует рассмотрения вопроса о том, что может служить предметом диалога. Одним из основных вариантов предмета социального диалога является диалог об интересах. Например, социальный диалог в рамках трудовых отношений, предполагающий обсуждение заработной платы, условий труда, – диалог об интересах сторон. К этому же типу может быть отнесено обсуждение городского планирования, при котором сталкиваются интересы различных групп горожан, предпринимателей, администрации. Ключевой проблемой становится определение границ применимости социального диалога для разрешения конфликтов интересов. Возникает вопрос о том, в каких случаях противоречия могут быть эффективно разрешены через диалог, а в каких случаях требуются иные механизмы регулирования.

Другим значимым типом служит диалог о социальных проблемах, который выходит за рамки непосредственных интересов участников и фокусируется на вопросах об уязвимых группах и общественном благополучии в целом. Социальный диалог в контексте этого предмета может способствовать привлечению внимания к упущенным из виду проблемам и формированию более эффективных подходов к их решению. Однако эффективность такого диалога может быть поставлена под сомнение. Критики могут аргументировать тем, что решение социальных проблем – прерогатива специализированных социальных служб, а бесконечные обсуждения могут отвлекать ресурсы и внимание от практической деятельности.

Диалог о ценностях – еще одна значимая категория. Такой диалог может способствовать реактуализации и переосмыслению культурных норм и ценностей, что особенно видится важным в условиях трансформирующегося общества. Однако существует риск того, что чрезмерный фокус на ценностных вопросах может отвлекать внимание от текущих социальных и экономических проблем, формировать ориентацию на прошлое, а не на будущее.

Возникает необходимость в поиске баланса между обсуждением абстрактных ценностей и решением поставленных общественных задач.

Социальный диалог, объединяющий идеологические, политические вопросы вне контекста партийной борьбы за власть, представляет собой особую проблему. Возможность и необходимость такого диалога вызывают дискуссии. С одной стороны, он может способствовать снижению политической поляризации и формированию более консенсусного подхода к решению общественных проблем. С другой – существует риск того, что этот диалог может быть использован для легитимации определенных идеологических позиций или манипулирования общественным мнением (например, интересны в данном контексте возражения против делиберативной демократии И. Шапиро [Shapiro 2017]).

Наконец, предметом диалога может быть поиск новых форм социального, что видится наиболее амбициозным проектом. Этот диалог направлен на поиск новых форм общежития, конвергентности и социоиндивидуального синтеза. Он предполагает обсуждение новых оснований, на которых будут строиться взаимодействие людей и социальное развитие. Согласно терминологии социального конструирования реальности П.Л. Бергера и Т. Лукмана, в этом случае социальный диалог можно понимать как процесс экстернализации [Бергер, Лукман 1995]. Однако ключевой проблемой становится обеспечение продуктивности и результативности такого диалога. Могут последовать возражения относительно того, что подобные вопросы должны обсуждать эксперты и что они не могут быть предметом широкого обсуждения. Вместе с тем предлагаемые учеными социальные концепции вряд ли будут адекватно оценены, если не станут предметом общественной дискуссии.

Проблематизация предмета социального диалога демонстрирует, что нет однозначных решений. Возможно, стоит проявлять решимость в применении разных подходов, чтобы эмпирическим путем выявить, какие вопросы целесообразно делать предметом социального диалога, а какие – нецелесообразно.

Другие проблемы концептуализации социального диалога. Существенным также считаем вопрос об определении границ применимости диалогических подходов и их соотношении с другими формами социального управления и взаимодействия. Прежде всего возникает проблема демаркации между сферой социального диалога и областью административного управления. Традиционные модели управления часто основаны на иерархических структурах и формальных процедурах, что может входить в противоречие с более гибкими и ориентированными на равно-

праве сторон подходами, характерными для социального диалога. Это ставит вопрос о том, как интегрировать диалогические процессы в управленческие структуры, не снижая их эффективности и легитимности.

Проблема определения релевантных сфер применения социального диалога также требует внимания. В то время как некоторые области общественной жизни (трудовые отношения или городское планирование) традиционно рассматривают в качестве подходящих для диалогических подходов, другие сферы (национальная безопасность или монетарная политика) часто считают прерогативой экспертного или административного управления. Возникает необходимость в разработке критериев для определения того, где и когда диалогические подходы могут быть наиболее эффективны и уместны.

Вопрос о роли государства в социальном диалоге представляется нетривиальным. С одной стороны, государство может выступать как арбитр или модератор диалога между различными социальными группами. С другой – оно является участником многих диалогических процессов. Это создает потенциальный конфликт интересов (государство не может быть беспристрастным модератором) и ставит вопрос о том, как обеспечить баланс между различными функциями государства в контексте социального диалога.

Проблема соотношения между формальными и неформальными механизмами диалога также заслуживает внимания. Хотя институционализация диалога может обеспечить ему стабильность и легитимность, чрезмерная формализация может ограничить его эвристический потенциал и способность отражать многообразие социокультурных установок. В результате появляется вопрос о том, как найти оптимальный баланс между формальными и неформальными аспектами диалога в различных социальных контекстах.

Заключение

Современное общество, несмотря на многочисленные попытки реформирования и модернизации социальных институтов, продолжает сталкиваться с глубокими противоречиями и нерешенными проблемами. Многие социальные группы остаются на периферии общественного внимания, их потребности и интересы не находят адекватного выражения в публичном пространстве. Данная ситуация ставит перед исследователями и практиками задачу поиска новых, более эффективных механизмов социального развития. Такие механизмы должны принципиально отличаться от традиционных командно-административных методов управления, которые часто оказываются неспособными учитывать многообразие социальных реалий. В этом контексте особую актуальность приобретает задача концептуализации и институционализации

социального диалога как особой формы взаимодействия между индивидуальным и социальным. Социальный диалог может стать инструментом, который позволит преодолеть разрыв между личностными устремлениями и коллективными интересами, способствуя тем самым социоиндивидуальной конвергенции. Приведенный подход открывает новые перспективы для формирования более гибких и адаптивных социальных структур, способных эффективно отвечать на вызовы современности.

Дальнейшее развитие теории и практики социального диалога требует междисциплинарного подхода. Интеграция знаний из различных областей – философии, социологии, политологии, психологии, юриспруденции – позволяет создать более полную и нюансированную картину диалогических процессов. Междисциплинарное сотрудничество также стимулирует разработку инновационных методологических подходов, способных выразить многомерность и динамичность социального диалога. Особый интерес представляет исследование взаимосвязи между социальным диалогом и медиацией. Эти два явления, имея много общего, могут взаимно обогатить друг друга.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бергер, Лукман 1995 – *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е.Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995.

Библер 2002 – *Библер В.С.* Замыслы: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. И.Е. Берлянд. – М.: РГГУ, 2002.

Давыдов 2020 – *Давыдов А.П.* Методологическая «середина» как инструмент изучения социальной реальности // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 18 / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2020. С. 529–564.

Давыдов 2023 – *Давыдов А.П.* Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе») // Философские науки. 2023. Т. 66. № 4. С. 140–159.

Давыдов 2024 – *Давыдов А.П.* Медиация и конвергентная социальность. К теории социального диалога // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 135–159.

Курбатов 2014 – *Курбатов В.И.* Социальный диалог: концептуальный анализ // Гуманитарий Юга России. 2014. № 1. С. 103–112.

Левин 2024 – *Левин Г.Д.* Гносеологический анализ переговорного процесса // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 26–45.

Лекторский 2024 – *Лекторский В.А.* Индивидуализация, коллективность, диалог // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 13–25.

Bohm 2004 – *Bohm D.* On Dialogue. – London: Routledge Classics, 2004.

Bush, Folger 2004 – *Bush R.A.B., Folger J.P.* The Promise of Mediation: The Transformative Approach to Conflict. – San Francisco: Jossey-Bass, 2004.

Dryzek 2000 – *Dryzek J.S.* Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestations. – New York: Oxford University Press, 2000.

Dryzek, Niemeyer 2008 – *Dryzek J.S., Niemeyer S.* Discursive Representation // *American Political Science Review*. 2008. Vol. 102. No. 4. P. 481–493.

Fishkin 2009 – *Fishkin J.S.* Virtual Public Consultation: Prospects for Internet Deliberative Democracy // *Online Deliberation: Design, Research, and Practice* / ed. by T. Davies, S.P. Gangadharan. – Stanford, CA: CSLI Publications, 2009. P. 23–35.

Forester 2013 – *Forester J.* On the Theory and Practice of Critical Pragmatism: Deliberative Practice and Creative Negotiations // *Planning Theory*. 2013. Vol. 12. No. 1. P. 5–22.

Forester, Theckethil 2009 – *Forester J., Theckethil R.K.* Rethinking Risk Management Policies: From “Participation” to Processes of Dialogue, Debate, and Negotiation // *Building Safer Communities. Risk Governance, Spatial Planning and Responses to Natural Hazards* / ed. by U.F. Paleo. – Amsterdam: IOS Press, 2009. P. 34–43.

Gergen, McNamee, Barrett 2001 – *Gergen K.J., McNamee S., Barrett F.J.* Toward a Vocabulary of Transformative Dialogue // *International Journal of Public Administration*. 2001. Vol. 24. No. 7–8. P. 697–707.

Healey et al. 2003 – *Healey P., De Magalhaes C., Madanipour A., Pendlebury J.* Place, Identity and Local Politics: Analysing Initiatives in Deliberative Governance // *Deliberative Policy Analysis: Understanding Governance in the Network Society* / ed. by M. Hajer, H. Wagenaar. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. P. 60–87.

Hendriks 2009 – *Hendriks C.M.* Deliberative Governance in the Context of Power // *Policy and Society*. 2009. Vol. 28. No. 3. P. 173–184.

Mouffe 2000 – *Mouffe C.* The Democratic Paradox. – London: Verso, 2000.

Innes, Booher 2003 – *Innes J.E., Booher D.E.* Collaborative Policymaking: Governance Through Dialogue // *Deliberative Policy Analysis: Understanding Governance in the Network Society* / ed. by M. Hajer, H. Wagenaar. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. P. 33–59.

Isaacs 1999 – *Isaacs W.* Dialogue and the Art of Thinking Together: A Pioneering Approach to Communicating in Business and in Life. – New York: Currency, 1999.

Putnam 2000 – *Putnam R.D.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – New York: Simon. & Schuster. 2000.

Shapiro 2017 – *Shapiro I.* Collusion in Restraint of Democracy: Against Political Deliberation // *Daedalus*. 2017. Vol. 146. No. 3. P. 77–84.

Susskind 1999 – *Susskind L.E.* A Short Guide to Consensus Building // *The Consensus Building Handbook: A Comprehensive Guide to Reaching Agreement* / ed. by L.E. Susskind, S. McKearnen, J. Thomas-Lamar. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1999. P. 3–60.

Yankelovich 1999 – *Yankelovich D. The Magic of Dialogue: Transforming Conflict into Cooperation.* – New York: Simon & Schuster, 1999.

REFERENCES

Berger P. & Luckmann T. (1995) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge* (E.D. Rudkevich, Trans.). Moscow: Medium (Russian translation).

Bibler V.S. (2002) *Contrivances in 2 Vols.* (Vol. 1). Moscow: Russian State University for the Humanities (in Russian).

Bohm D. (2004) *On Dialogue.* London: Routledge Classics.

Bush R.A.B. & Folger J.P. (2004) *The Promise of Mediation: The Transformative Approach to Conflict.* San Francisco: Jossey-Bass.

Davydov A.P. (2020) Methodological “Middle” as a Tool for Studying Social Reality. In: Gorshkov M.K. (Ed.) *Reforming Russia: Yearbook* (Vol. 18, pp. 529–564). Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Davydov A.P. (2023) Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society”). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki.* Vol. 66, no. 4, pp. 140–159.

Davydov A.P. (2024) Mediation and Convergent Sociality: Toward a Theory of Social Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki.* Vol. 67, no. 2, pp. 135–159 (in Russian).

Dryzek J.S. (2000) *Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestations.* New York: Oxford University Press.

Dryzek J.S. & Niemeyer S. (2008) Discursive Representation. *American Political Science Review.* Vol. 102, no. 4, pp. 481–493.

Fishkin J.S. (2009) Virtual Public Consultation: Prospects for Internet Deliberative Democracy. In: Davies T. & Gangadharan S.P. (Eds.) *Online Deliberation: Design, Research, and Practice* (pp. 23–35). Stanford, CA: CSLI Publications.

Forester J. (2013) On the Theory and Practice of Critical Pragmatism: Deliberative Practice and Creative Negotiations. *Planning Theory.* Vol. 12, no. 1, pp. 5–22.

Forester J. & Theckethyl R.K. (2009) Rethinking Risk Management Policies: From “Participation” to Processes of Dialogue, Debate, and Negotiation. In: Paleo U.F. (Ed.) *Building Safer Communities. Risk Governance, Spatial Planning and Responses to Natural Hazards* (pp. 34–43). Amsterdam: IOS Press.

Gergen K.J., McNamee S., & Barrett F.J. (2001) Toward a Vocabulary of Transformative Dialogue. *International Journal of Public Administration.* Vol. 24, no. 7–8, pp. 697–707.

Healey P., De Magalhaes C., Madanipour A., & Pendlebury J. (2003) Place, Identity and Local Politics: Analysing Initiatives in Deliberative Governance. In: Hajer M. & Wagenaar H. (Eds.) *Deliberative Policy Analysis: Understanding Governance in the Network Society* (pp. 60–87). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Hendriks C.M. (2009) Deliberative Governance in the Context of Power. *Policy and Society*. Vol. 28, no. 3, pp. 173–184.

Innes J.E. & Booher D.E. (2003) Collaborative Policymaking: Governance Through Dialogue. In: Hajer M. & Wagenaar H. (Eds.) *Deliberative Policy Analysis: Understanding Governance in the Network Society* (pp. 33–59). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Isaacs W. (1999) *Dialogue and the Art of Thinking Together: A Pioneering Approach to Communicating in Business and in Life*. New York: Currency.

Kurbatov V.I. (2014) Social Dialogue: Conceptual Analysis. *Humanities of the South of Russia*. No. 1, pp. 103–112 (in Russian).

Lektorsky V.A. (2024) Individualization, Collectivity, Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 13–25 (in Russian).

Levin G.D. (2024) Epistemological Analysis of the Negotiation Process. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 26–45.

Mouffe C. (2000) *The Democratic Paradox*. London: Verso.

Putnam R.D. (2000) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.

Shapiro I. (2017) Collusion in Restraint of Democracy: Against Political Deliberation. *Daedalus*. Vol. 146, no. 3, pp. 77–84.

Susskind L.E. (1999) A Short Guide to Consensus Building. In: Susskind L.E., McKearnen S., & Thomas-Lamar J. (Eds.) *The Consensus Building Handbook: A Comprehensive Guide to Reaching Agreement* (pp. 3–60). Thousand Oaks, CA: Sage.

Yankelovich D. (1999) *The Magic of Dialogue: Transforming Conflict into Cooperation*. New York: Simon & Schuster.